

Аждаф Куртов

«ХАНСКИЙ КРУГ»: СИСТЕМА ВЛАСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Тема политических реформ и демократии в Центральной Азии стала достаточно актуальной в последние годы. При этом можно наблюдать как примеры откровенной пропагандистской апологетики, так и более изощренные подходы. Некоторые авторы стараются оправдать существующие порядки рассуждениями о демократии как длительном процессе. Однако, даже рассматривая проблему под этим углом зрения, но обращаясь к реальным фактам, а не к просто к абстрактным рассуждениям о демократии, приходишь к выводу, что никакого движения к демократии на практике не происходит.

В большинстве случаев имеет место формирование политических режимов, базирующихся на иных ценностных установках. За прошедшие годы со времени исчезновения с политической карты мира СССР в регионе Центральной Азии так и не удалось добиться настоящего представительства интересов широких масс, разных слоев и групп. Политический процесс в Казахстане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане продолжает оставаться верхушечным, нацеленным на интересы определенной части политической элиты, а не «низов». Эта политика не в состоянии найти достойное адекватное решение острых общественных противоречий, она только загоняет их внутрь общества. Местные лидеры трансформировали прежнюю систему властных отношений, сложившуюся в период власти коммунистов, преимущественно административными методами. В результате такого реформирования авторитарные тенденции продолжали господствовать над демократическими, определяя современное политическое развитие. Лишь в Киргизии можно наблюдать несколько иную картину — тяжелые и неоднозначные попытки внедрить элементы демократического правления.

Стремление укрепить свою власть бывает характерно и для глав государств в странах реальной демократии. Неслучайно политологи применяют термин «республиканская монархия».¹ Но при этом имеется в виду

1. Duverger M. La monarchie republicaine. Comment les democraties se donnent des rois. Paris. 1974.

принципиально иная система власти главы государства, в которой сильный президент согласует свои действия с институтами и нормами демократии, а не попирает их по своей воле. Авторитарные режимы, вбирающие в себя традиционалистские ценности, стремятся персонифицировать в лице лидера всю нацию. Здесь и право, и институты демократии отодвинуты на задний план. Конституционное законодательство подчинено в основном задаче сакрализации или правовой легитимации власти, выступая исключительно ее инструментом. Этот тип власти получил у некоторых политологов название «монархической республики».² При этом типе власти формально провозглашаются демократические принципы и республиканское правление, но реально происходит закрепление президентской диктатуры, отличающейся от монархии лишь отсутствием титула. Актор, занимающий главенствующую позицию в системе власти, концентрирует максимум реальных полномочий, но маскирует их псевдодемократическими институтами. Суждения о сильных президентских администрациях как новом варианте демократического управления, о чем говорят некоторые авторы,³ нельзя признать правомерным. Самая сложная проблема, с которой приходится сталкиваться трансформирующимся постсоциалистическим странам, — это создание власти, способной проводить действенные экономические реформы, сохранять при этом доверие общества и оставаться демократически ответственной. Поэтому центральным институтом молодых демократий должен обязательно выступать парламент.⁴

Авторитаризм в Центральной Азии на самом деле не сумел создать сильного государства, при помощи которого можно было бы трансформировать общество и провести необходимые рыночные реформы. Еще Гамильтон писал, что только сильное государство способно обеспечить свободу и безопасность, преодолеть кризисный период.⁵ По-настоящему сильным ни одно из государств Центральной Азии так и не стало, была усилена лишь структура президентской власти, а также ее компоненты. И это произошло, в частности, путем сознательного ослабления других государственных структур, не говоря уже об институтах гражданского общества. Анализ преобразований, проведенных в регионе, позволяет однозначно утверждать, что власть не сумела консолидировать институты демократии и даже, очевидно, не стремилась к этому. Авторитарные режимы лишь использовали отдельные элементы демократии по принципу *ad hoc* в ответ на возникающие проблемы.

2. Медушевский А. Н. Конституционная модернизация // Конституция как фактор социальных изменений. М., 1999. С. 61; Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 201.
3. Брудный А., Чотаева Ч. Центральная Азия: пути и модели развития // Центральная Азия и Кавказ. 2000, № 6. С. 46.
4. Стивен Холмс. Возвращение к чертежам // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1993, № 1. С. 29.
5. Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. М., 1993. С. 29–30.

В то же время ни одна из стран Центральной Азии объективно не может стоять в стороне от мировых процессов, характерной чертой которых стало распространение и утверждение в общественном сознании демократических ценностей и взгляда на демократическое правовое государство как оптимальную модель государственного устройства. Разумеется, в немалой степени это является результатом культурного влияния западной цивилизации и России. Попытки же сопротивляться этому влиянию со стороны властных структур при помощи откровенно авторитарных методов таят в себе вполне определенные угрозы. Фактическая легитимация авторитаризма как наиболее оптимальной модели национального развития, лишь прикрытая псевдодемократической фразеологией, не может быть долговременной основой государственной политики. В свою очередь этот курс реально открывает возможности для проникновения в центральноазиатские общества мусульманских и иных ценностей и установок, в том числе достаточно радикальных, так как лишь они могут служить эффективной преградой на пути массовой притягательности демократических идеалов западного типа.

Для демократической системы является естественным то простое положение, что субъекты политики стремятся к обладанию государственной властью. Государство обязано создавать оптимальные условия для того, чтобы их стремления могли реализоваться путем честной, открытой и ненасильственной конкуренции, в частности, путем участия в выборах. Когда же верховная государственная власть берет на себя прерогативу определять, исходя из своих субъективных ощущений, оценок и пристрастий, кто достоин, а кто нет быть допущенным к властным полномочиям, конструируя под это определенным образом правовой механизм, а иногда и игнорируя установленные правовые нормы, то ни о какой подлинной демократии здесь не может идти речи. Уверенность в своем исключительном праве определять, что есть добро и зло для своих граждан, стоя в этом отношении выше Закона, — характерная черта тоталитарных и авторитарных режимов. Демократический режим именно при помощи права уравнивает конкурирующие устремления политических акторов, гармонизирует их. Этому режиму чужд провиденциализм и культивирование веры в собственную исключительность, при нем смена власти не является чем-то предосудительным и малопривлекательным. Система построена на таких принципах, что это не способно разрушительно влиять на общее состояние и работоспособность самой системы. Более того, такие постоянные изменения на верхних этажах системы необходимы — они благотворно отражаются на работе государственного механизма. В такой системе выборы — это элемент согласительной политической системы, при которой публичные политики представляют различные интересы и считают легитимным конфликт интересов. Конфликт и консенсус взаимоуравниваются. Политикой управляют договаривающиеся стороны, а отнюдь не фанатики. Они не возводят государство или собственную партию в ранг трансцендентных институтов.

В демократической системе власти оппозиция не отторгается, а постепенно превращается в механизм контроля деятельности правительства. Через это создается механизм артикуляции и согласования различных общественных интересов. Ни одна из организованных политических сил произвольно не исключается из процесса демократических выборов. Президентская власть при этом не аккумулирует огромных полномочий. Проявлением процесса реальной демократизации является, помимо прочего, как раз реально происходящая смена у власти различных политических сил. Опыт стран, прошедших путь системной постсоветской трансформации, подтверждает это. Уместно напомнить высказывание С. Хантингтона о современной третьей волне демократизации, когда демократия означает то, что правителей можно смещать.⁶ Нельзя добиться согласия политических сил (и стоящих за ними групп населения), блокируя для них все подступы к исполнительной власти. Это культивирует безответственность большинства политических игроков. Нарушение «игры по правилам демократии» усиливает риск вырождения властной элиты в деспотическую группу. В Центральной Азии властные элиты, по сути, отвергают демократические правила игры, здесь ведущие группировки стали претендовать на властную монополию и при этом фактически развязали войну на уничтожение своих политических противников. Правила игры оказались не формой консенсуса, а навязанным победившей стороной ультиматумом. В этом смысле победившая группировка, хотя и пыталась формально выступать от имени будущего против прошлого, но, по сути дела, она сама так и не смогла вырваться из прошлого.

Этот процесс усиливает, помимо прочего, весьма специфическую для региона опасность. Речь идет о сохранении светского характера государства. Пока эта опасность внешне выглядит умозрительной схемой, но тем не менее ее нельзя полностью игнорировать. В суннитском исламе (преобладающие традиционные конфессии региона относятся именно к данному направлению в исламе) глава государства — халиф — занимает свой пост, как правило, недемократическим путем. Мусульманская община чаще всего отстранялась от выборов, за исключением узкой группы муджтахидов, своего рода «элиты». Отдельные мусульманские классические авторитеты даже допускают узурпацию поста халифа силой, при этом подобный шаг объявлялся законным, если новый глава государства мотивировал его своим стремлением положить конец нарушениям норм мусульманского права.⁷

В большинстве государств Центральной Азии нет настоящей, полноценной, а поэтому и продуктивной политической конкуренции в политической сфере жизни общества. Это автоматически приводит к авторитарному характеру властных институтов, и речь, следовательно, может идти только о той или иной разновидности авторитаризма, в частности о том,

6. Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late 20th Century. Norman and London: University of Oklahoma Press. 1993. P. 263.

7. Социально-политические представления в исламе. История и современность. М., 1987. С. 48–49.

укрепляются или, наоборот, ослабляются эти элементы авторитаризма, куда направлен основной вектор развития системы власти. Критика режима со стороны оппозиции в Казахстане и Таджикистане не заблокирована полностью, как это имеет место в случае Туркменистана и Узбекистана, но она никак не влияет на реальную государственную политику властей. Власть игнорирует оппозицию, стремится не допустить роста ее влияния в обществе. Само же гражданское общество разными методами, именно усилиями властей ограждается от попыток привнести в него современные демократические ценности и институты.

Авторитаризм в Центральной Азии обладает целым рядом характерных черт. В результате целенаправленной работы властей региона здесь сложилась деформированная, маргинальная многопартийность. В значительной степени это связано с тем, что президентская власть не желает даже в малой степени делиться с кем бы то ни было политическими прерогативами. Причем президентская власть упорно пытается не допустить перехода к партийной демократии, в том числе и при помощи явно и давно дискредитировавших себя мер. Еще Джеймс Мэдисон в десятом эссе «Федералиста» писал: «Имеются также два метода устранения причин возникновения партий: первый предусматривает ликвидацию свободы, жизненно важной для их существования; второй предполагает наделение всех граждан одними и теми же взглядами, одними и теми же чувствами и одними и теми же интересами».⁸ Мэдисон считал первый путь непрактичным, а второй — неразумным.

В ряде случаев (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан) в определенные периоды власть пыталась сконструировать партийную систему с доминирующей и полностью подконтрольной президенту партией. Однако и в этом отношении авторитарная тенденция персонификации власти брала верх, доминирующая пропрезидентская партия рассматривалась лишь как вспомогательный инструмент, а не как один из стержней политической системы, как это было при коммунистах. Поэтому в отношении подобных систем власти справедливы слова Мориса Дюверже о том, что «главная проблема всех авторитарных режимов обычно заключается в изолированности вождей от масс: в демократических обществах выборы позволяют руководителям узнавать их мнение и периодически выверять свою позицию по отношению к ним; диктатура лишена этого политического компаса. Здесь руководители рискуют все больше и больше оторваться от народа, полностью потерять связь с ним, тем более что они окружены подчиненными, которые из лести вводят их в заблуждение и обманывают, лишь бы быть в милости. А одних полицейских донесений недостаточно, чтобы преодолеть тот железный занавес, который отделяет правителей от управляемых... Партия доносит до правительства мнение народа; она делает решения правительства понятными народу».⁹

8. Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. М., 1993. С. 79.

9. Морис Дюверже. Политические партии. М., 2000. С. 321–322.

Наименьшее число политических партий действует в Туркменистане: здесь власти позволяют функционировать только одной такой структуре — Демократической партии. Наибольшее число политических партий действует в Киргизии: их численность постоянно меняется, но в 2007 году она вплотную приблизилась к сотне. Относительно стабилизировалась за два истекших года численность партий в Узбекистане, где существует 5 партий. Близок к такой же стабилизации и Таджикистан с его 8 политическими партиями. В Казахстане же процесс возникновения новых политических партий, а также слияния действующих продолжается. Тем не менее и здесь заметна стабилизация, поскольку новые партии возникают в основном путем реформирования ранее существовавших партийных структур. Поэтому численность партий в Казахстане последние годы колеблется в диапазоне 8–12 партий.

Принятые в регионе конституции предусматривают непартийный характер организации государственной власти. Ни парламентское большинство, ни парламентская коалиция не обладали и не обладают реальным правом формирования правительства. Только лишь наличия в политической практике государства института политических партий недостаточно. У граждан отсутствует реальная возможность такого выбора, который был бы способен повлиять на изменение их социально-экономической ситуации, защитить их интересы. В условиях, когда даже победа на выборах определенной политической силы не дает возможности ей реализовать свою программу, полностью теряется значение политического плюрализма, многопартийности и представительного правления. Статус и полномочия всех без исключения парламентов региона не позволяют им контролировать президента и правительство. Отсюда становится понятным, почему эта проблема встала в центр противостояния власти и оппозиции в Киргизии в последнее время.

С другой стороны, местные варианты парламентаризма явно деформированы и зависимостью конкретного парламентария не от волеизъявления избирателей, а прежде всего от благосклонности к нему властных структур, которые на практике как раз и могут обеспечить необходимый результат выборов. В такой системе озабоченность парламентариев своим переизбранием, играющая немалую роль в формировании современных партийных и парламентских систем в демократических обществах,¹⁰ отступает на второй план, а точнее, превращается в заинтересованную деятельность по выражению своей лояльности тем, от кого зависит политическое будущее депутатов. Развитие политических партий в этом случае не получает дополнительных стимулов, хотя современные избирательные технологии, очевидно, требуют коллективных действий.

Центральноазиатские варианты авторитаризма, как часто отмечают эксперты, имеют клановый характер. Это вызвано, в частности, тем, что с уходом прежней советской практики изменился характер взаимоотношений между социальными группами и внутри политической элиты. Сохра-

10. См.: Морис Дюверже. Политические партии. М., 2000. С. 24.

нившиеся от прежних эпох элементы трайбализма опять вышли на первый план. В то же время усиление клановости было вызвано самим верхушечным авторитарным характером проводимых реформ, закономерным итогом тенденции к монополизации экономики, обособления властных институтов, связанных с распределением общественных богатств, от самого общества, сращивания верхушки власти и бизнеса, протекавшей в ходе утверждения бюрократического варианта вхождения в рыночные отношения. Кроме этого, клановость является одним из следствий этнократических тенденций в политике. Интересы государств Центральной Азии все более и более понимаются их политическими элитами не как национальные, а клановые и эгоистические. В то же время единоличная власть авторитарных лидеров отторгает любых представителей кланов с далеко идущими амбициями. Клановый характер власти отражается и на формировании местных политических организаций, в том числе и политических партий, которые зачастую лоббируют аффилированные с ними коммерческие клановые структуры.

Клановость политики еще более усилилась после установления суперпрезидентской республики в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане с ее элементами восточной деспотии. Нарушения демократии, в частности, деформируют принцип открытости политической власти. Открытость политической власти, в свою очередь, позволяет судить о том или ином варианте политического режима, позволяет отличить демократию от таких политических суррогатов, как семейный, корпоративный, клановый, бюрократический вариант власти. Электоральный процесс не только превратился в декоративный спектакль, не способный принципиально изменить что-либо во властных приоритетах, он даже стал использоваться отчасти в роли механизма внутриэлитарной ротации, то есть использоваться в качестве дополнительного орудия в междоусобице элит и приближенных к ним группировок. Клановость сочетается также с явным nepотизмом, родственники президентов стран Центральной Азии занимают ряд ключевых постов в государстве и бизнесе. Как показывает опыт истории, клановая, корпоративная авторитарная организация власти всегда сопровождается нарушением целостности системы управления, обособлением и борьбой множества «местных» корпоративных структур, преследующих свои интересы. В результате такой организации власти возрастает риск потери управляемости и перехода всей системы государственной власти в неустойчивое состояние.

Клановость неизбежно порождает и другую характерную черту режимов Центральной Азии – коррумпированность. Причем, очевидно, существует связь между распространением в мире мнения о коррумпированности властей Центральной Азии и теми мерами, которые принимает эта власть по укреплению авторитарного характера режима. В этом отношении можно привести пример Казахстана. 12 июня 2000 г. министерство юстиции Соединенных Штатов направило запрос швейцарским властям о предоставлении информации о незаконных финансовых операциях ряда американских ком-

паний. В частности, речь шла о расследовании деятельности нью-йоркской консалтинговой фирмы «Меркатор» Джеймса Гиффена, подозреваемого в посредничестве в незаконной передаче 35 млн. долл. от нефтяных компаний на швейцарские счета президента Казахстана и членов его семьи.¹¹ Спустя всего десять дней после этого запроса, 22 июня, парламент Казахстана выступает с проектом Конституционного Закона «О первом Президенте Республики Казахстан», который гарантирует пожизненный иммунитет и привилегии Назарбаева. В рекордно короткие сроки — уже через пять дней, 27 июня — этот закон принимается парламентом. Характерно, что по данному закону Назарбаев не может быть привлечен даже в качестве свидетеля по гражданскому делу. Между тем, нелишним здесь будет вспомнить слова Филиппа Шмиттера о том, что «болезнь злоупотребления властью и присвоения общественных благ для личных целей — это зло, которое сдерживается периодической возможностью, предоставляемой гражданам, отправиться на избирательные участки и «выбросить негодяев вон».¹²

Отличительная особенность авторитарных режимов Центральной Азии — их пренебрежительное отношение к праву. Именно это является слабым моментом разных спекулятивных теорий о «просвещенном авторитаризме» и «управляемой демократии», в которых в гипертрофированном виде преподносится идея о необходимости в транзитных обществах установить систему господства лидера-реформатора. На самом деле и демократия вовсе не упраздняет господство и подчинение, она лишь ограничивает их сферу, а также вводит их в жесткие и неукоснительные рамки действующих законов. Если демократия — это система, где власть служит праву, то авторитаризм — где власть подчиняет себе право и использует его по своему усмотрению. Власть, воспроизводящая юридическую безответственность по отношению к важнейшим институтам, включая собственные конституции, подрывает согласие общества на признание права как общеобязательного механизма регулирования поведения людей, такая власть не имеет будущего. Для лидеров Центральной Азии никогда нормы конституций не являлись преградой. Их нарушали в ситуациях, когда это было выгодно властям.

Политологи обычно, говоря об отличиях авторитаризма от политической демократии, приводят следующие его черты:

- доминирование власти (государства) над обществом;
- примат исполнительной власти над другими секторами;
- ограничение (в той или иной форме) легальной оппозиции.¹³

Эти черты могут быть сгруппированы и по-иному, но всегда, когда речь идет об авторитаризме, в качестве его характерных черт выделяют господство определенной личности или людей, осуществляющих чрезмерную централизацию в управлении жизнью общества, концентрацию власти в руках

11. Дайджест материалов международной прессы о коррупции в Казахстане. Монреаль. 2001. С. 70.

12. Шмиттер Ф. К. Угрозы и дилеммы демократии // Век XX и мир. 1994. № 7–8. С. 156.

13. Хорос В. Г. Чешков М. А. Политическая модернизация в посттрадиционных обществах // Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996. С. 16.

главы государства, недопущение реальной политической оппозиции, отсутствие подлинного разделения властей и показной, а то и откровенно фиктивный характер выборов.¹⁴ Авторитаризм также проявляется в опоре в политическом процессе на силовые методы.

Нетрудно заметить, что все эти черты, так или иначе, в Центральной Азии наличествуют. Совершенно не случайно поэтому само государство здесь во многом ассоциируется с должностью президента, а последняя с фигурой конкретного человека – Назарбаева, Каримова, Рахмонова (Рахмона), Ниязова, Бердымухамедова.

Парламенты в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане и тем более в Туркменистане не приобрели значения самостоятельной, независимой и полноценной ветви власти. Основной базой режимов является бюрократия, а это обстоятельство значительно препятствует продолжению экономичес-

ких¹⁵ и политических реформ. В результате продавливания именно своих интересов в органах государственной власти, президентами была создана структура, не имеющая отношения к представительству интересов каких бы то ни было широких социальных слоев. Вследствие этого парламенты Центральной Азии являются вовсе не институтами социального представительства, а синклитами части политической элиты.

Парламентаризм в регионе представляет собой инвалида, так как вся совокупность задействованных в парламентарном процессе акторов на самом деле представляет ничтожно малую часть общества. Интересы же подавляющего большинства жителей республики авторитарной системой политического представительства практически не представляются. Политическая активность большинства населения как бы загнана в специально сконструированные резервации. Эта активность в данной части ограничивается участием в выборах, причем в эти

**ОСНОВНОЙ БАЗОЙ РЕЖИМОВ
ЯВЛЯЕТСЯ БЮРОКРАТИЯ, А ЭТО
ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ЗНАЧИТЕЛЬНО
ПРЕПЯТСТВУЕТ ПРОДОЛЖЕНИЮ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ**

14. Сумбатян Ю. Г. Политология. Авторитаризм как категория политической науки // Социально-гуманитарные знания. 1999, № 6. С. 59–60. О характерных чертах авторитарных режимов смотри также: Huntington S. *The Third Wave: Democratization in the Late 20th Century*. Norman and London: University of Oklahoma Press. 1993, Linz J. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. Handbook of Political Science. Vol. 3. Addison-Wesley. 1975, Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation*. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore and London. 1996.
15. Как показывают исследования, авторитаризм демонстрирует чаще всего неспособность к эффективному решению серьезных экономических проблем. Примеры разных государств Восточной Европы и даже Латинской Америки подтверждают это. (Przeworski A. *Democracy and the Market: Political and Economic reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge. 1991.)

периоды электорат подвергается мощному манипулятивному административному давлению со стороны власти. Клановым образом структурированное и коррумпированное политическое меньшинство противостоит слабо структурированному и вследствие этого легко контролируемому большинству. Как и в ряде других стран с авторитарной системой, на фоне отсутствия традиционных структур гражданского общества, массовых партий и общественных каналов массовой информации, доступ к средствам манипулирования массовым сознанием в политической системе определяет почти все.

Нынешняя система власти в регионе, если применять к ней известную классификацию Макса Вебера вбирает в себя все три типа власти: традиционный, харизматический и рациональный (в меньшей степени).¹⁶ Но элементы традиционной системы, с ее опорой на издавна сложившиеся традиции, по понятным причинам, хотя бы внешне не актуализируются, они сохраняются как бы в подсознании избирателей, к которому, впрочем, время от времени в политическом процессе все же обращаются.

В традиционном обществе властные институты доминируют над обществом. Патриархальный тип сознания на Востоке плохо воспринимает саму возможность открытой политической конкуренции за власть «безбородых юнцов» и «убеленных сединами, умудренных годами жизни аксакалов». Политический имидж большинства президентов Центральной Азии как лидеров общенационального масштаба довольно сложен и, надо сказать, подвижен. Но он, несомненно, включает в себя скрытые архетипические образы, интериоризированные в процессе социализации. Архетип мудреца, обладающего почти сокровенным знанием, сочетается в одном лице с образом доброго повелителя (хана) — кормильца и отца для своих подданных. Надо отметить, что практика многих государств мира знает примеры, когда символическая составляющая имиджа лидера сознательно актуализируется именно в переломные моменты истории. Сила символа позволяет эксплуатировать ожидания населения и мобилизовать сторонников того или иного политика. Перед лицом испытаний, связанных с неизбежностью ломки устоявшихся общественных отношений, люди склонны доверять имиджу лидера, базирующемуся как раз на традиционных, а значит, понятных для них ценностях. В этом имидже лидера население инстинктивно ищет защиты от пугающей неизвестности, часто именно имидж, а не сила личности склоняет людей в пользу той или иной фигуры политика. По сути дела, здесь имеет место эксплуатация политического фатализма.

В традиционной политической культуре, кроме того, доминирует убеждение, что политическая борьба может идти не иначе, как в соответствии с принципом «победитель получает все». Этим фактически формируется система массового клиентелизма с заранее заданными поведенческими установками населения.¹⁷ Этот фактор «сакрального ресурса лидера», уходящий

16. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646–647.

17. В этой связи можно привести одно наблюдение. История развития политической и правовой мысли стран Запада и стран Востока имеет примечательное в этом отношении различие. На Западе, начиная с античных времен (Платон, Аристотель,

корнями в ханскую власть часто обретает «второе дыхание» в транзитных обществах. Президент в такой системе выступает как суперпатрон, жалующий всем прочим свою политическую благосклонность. В результате этого государственные институты остаются на самом деле слабыми, так как личные связи представителей власти играют здесь большую роль, чем нормы гражданского общества.¹⁸ Однако мировоззренческие установки «хан—подданные», «патрон—клиент», сформировавшиеся в ходе исторического развития и представляющие собой своеобразные реликтовые стереотипы,¹⁹ по нашему мнению, невозможно сегодня с максимальным эффектом использовать путем своеобразной рецепции.²⁰

Поэтому не забыт и второй тип власти—харизматический, базирующийся на вере в святость, особую избранность, героизм, недостижимое совершенство обладающего харизмой вождя. Именно с опорой на эти элементы президенту Назарбаеву, например, удалось «продать» роспуски парламентов в 1993 и 1995 гг., конституционную реформу в 1995 г. и выиграть референдумы и выборы. Достаточно взять любой номер официальной туркменской, казахстанской, узбекской, таджикской прессы, чтобы убедиться, как при помощи этого элемента эксплуатируется идея необходимости и безальтернативности сильной президентской власти, персонифицированной в фигуре действующих президентов этих стран. СМИ рисуют образ главы государства как единственного²¹ подлинного Законодателя, подлинного основателя независимого государства, истинного вождя нации и благодетеля для своего народа. При таком подходе как бы сами собой напрашиваются аналогии: Ликург, Солон, Моисей. Вероятно, на эти психологические моменты и делается скрытый расчет. Упор делается на такие же, как и в случае с традиционным типом власти, архаичные по сути воззрения. Как же далеко это от современной демократии! Один из основоположников теории правового государства Иммануил Кант писал о подобном: «Суверен хочет по своим понятиям делать народ счастливым и становится деспотом».²² Но президен-

Полибий, Цицерон), теория пыталась сформулировать оптимальный механизм политической власти, используя различные составляющие, в том числе и из арсенала демократии. Монархия совсем не рассматривалась как наиболее предпочтительный вариант правления. На Востоке же была совсем иная картина. Здесь мыслители пытались обосновать именно монархическое правление, приукрасить его и иногда модифицировать.

18. В такой системе чиновники не могут ни сформулировать самостоятельно, ни проводить политику, которая решала бы внутренние и внешние проблемы. Подчиненные стараются избежать риска, и поэтому вся система работает неэффективно. Управление же с помощью репрессий также не дает должного эффекта.
19. Термин Фархода Толипова. (Толипов Ф. Демократизм, национализм и регионализм в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 4. С. 12.)
20. Традиционный тип власти характерен для доиндустриальных обществ.
21. Весьма уместно в этой связи привести высказывание Карла Шмитта: «Единство—это рабство; на централизме и авторитете основаны все институты тирании, санкционированы ли они, как в современной демократии, всеобщим избирательным правом или нет». (Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 239.)
22. Кант И. Соч. в 6-ти т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 93.

ты Центральной Азии тем не менее не надеются только на «всемирное восхищение», прекрасно понимая, что, если оно и существует (а это спорная проблема), то легко может перерасти в «народный гнев». Польский политолог А. Михник утверждает, что харизматические лидеры закономерны на начальном этапе транзита. Право такого лидера на власть объясняется тем, что он «совершил чудо» и «принес свободу», но по мере поступательного развития страны наступает угасание харизматичности.²³ Приходит пора, когда общество все более начинает связывать новые выборы с фактом выполнения обещаний, данных избранными лидерами в прошлом, и поэтому становится менее склонным наделять таких лидеров правами демиургов. Все же харизматический тип власти наиболее характерен для тоталитарных социально-политических систем.²⁴

Культивирование в обществе патерналистского типа сознания не приближает, а наоборот, отдаляет это общество от подлинной демократии. Демократия предполагает достоинство свободной личности, ее гражданскую ответственность за общее состояние дел. Концепция необходимости политической опеки давно развенчана политологами.²⁵ Тем более, когда речь идет о восточно-деспотическом варианте такой опеки. Спекулируя на объективных сложностях перехода от тоталитарного строя к новому, более справедливому обществу, власть в Центральной Азии пытается эксплуатировать особенности политико-правовой культуры определенных слоев населения республики. Менталитет населения стал козырной картой в руках авторитарных правителей. С его помощью власть конструирует систему пассивной зависимости граждан от воли элиты. В общественном сознании создаются авторитарные стереотипы. Ссылками на особый менталитет фактически блокируется движение к демократическому и правовому государству, к утверждению современных принципов демократии и конституционализма.

Поэтому рациональный тип власти, при котором может достигаться реальное соответствие политического режима ценностным идеалам общества, при рациональной оценке этого соответствия обществом, в большинстве стран Центральной Азии представлен в самой незначительной степени. Хотя внешне власть пытается представить себя как систему рационально-правового господства. Но при этом для достижения легитимности власть извращает и деформирует общественные ценности, принудительно навязывает обществу при помощи соответствующих институтов и механизмов псевдоконсенсус и именно на такой основе пытается строить свою легитимность.

Такая практика мало общего имеет с рациональным типом легитимности, характерным для индустриальных и постиндустриальных обществ. В них государство связывается правом, становится более зависимым от общества, причем именно механизмы саморегулирования, включая выборы, побуж-

23. Известия. 1995. 24 ноября.

24. Четвернин В. А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993. С. 80–81.

25. См.: Даль Р. О демократии. М., 2000. С. 69–80.

дают общество усиливать эту зависимость. Стоит отметить, что еще отцы-основатели Соединенных Штатов в своих подходах к конструированию новой государственности руководствовались не надеждами на добродетельность того или иного политика, а как раз наоборот, представлением об эгоистичности человеческой природы. Этот эгоизм они предлагали обуздать при помощи системы демократии и государственных институтов. Через это и происходит «рационализация» государства как аппарата публичной власти, демократические механизмы и процедуры все более и более позволяют обществу контролировать деятельность власти и побуждать ее действовать в соответствии со своими потребностями. В Казахстане же власть не примет такую «рационализацию», она отстраняется от общества и легитимирующая власть порядка—права, оставляет за собой полную свободу действий, то есть легитимирует произвол.

Расхожие суждения о том, что общество в Центральной Азии не доросло до привнесения в него принципов демократического правового устройства, не несостоятельны. История показывает, что общества часто не имеют необходимых условий для утверждения демократии и уважения к правам человека. Но это не мешает властным элитам, если они действительно стремятся к этим целям, проводить соответствующую политику. В основе современной конституционной демократии США лежит Декларация прав граждан Вирджинии 1776 г. Этот документ был принят в обществе с примитивной, даже по тем временам, экономикой, обществе, где существовал рабский труд, геноцид в отношении коренного населения Америки, обществе, где не было никакого демократического опыта участия граждан в политической жизни. Вектор развития, направленный в сторону демократии, может преодолеть многое, вектор, направленный к авторитаризму, будет постепенно плодить проблему за проблемой.

В более модифицированном виде идея необходимости авторитарной власти в регионе часто высказывается политиками и идеологами этих режимов при неизменных ссылках на примеры новейшей истории других стран Востока—Турции и Южной Кореи. Однако здесь необходимо отметить, что эти примеры некорректны, так как сознательно вводят в заблуждение. И в Турции, и в Южной Корее реформы, призванные осуществить модернизацию этих стран по западным образцам, были предприняты представителями военных кругов, опиравшимися прежде всего на мощь армии.²⁶ В Турции ими были первые президенты Кемаль Ататюрк и Исмет Иненю. Впоследствии военные всегда жестко контролировали ход политической жизни страны и не останавливались перед тем, чтобы в кризисных ситуациях прибегать к военным переворотам. После второй мировой войны они поступали трижды подобным образом. В Южной Корее, начиная с Ли Сын Мана, представители военных кругов длительное время стояли во главе государства, пресекая любую оппозиционную деятельность.

26. Точнее, прежде всего на офицерский корпус, воспитанный в основном в западных традициях.

Однако ситуация в Турции и Южной Корее, с одной стороны, и в Центральной Азии, с другой, отличаются существенным образом не только в этом отношении. Военные круги в Турции и Южной Корее, жестко подавляя политическую оппозицию, тем не менее в экономической сфере проводили рыночные реформы. Власть военных не препятствовала развитию бизнеса, а наоборот, стремилась создавать условия для модернизации экономики, ее подъема, выхода на внешние рынки, внедрения честной конкуренции на рынке.²⁷ В Центральной Азии же установившийся вариант авторитарного правления, помимо прочего, характеризуется фактическим сращиванием власти и финансово-промышленного капитала. Власть стремилась поддержать свое могущество не только реальным ограничением демократии, но и прибрав к своим рукам все наиболее важные и доходные отрасли экономики, по крайней мере, стремясь извлекать выгоду от распоряжения судьбой предприятий этих отраслей. Такого не было ни в Турции, ни в Южной Корее. Авторитарная по своей сути власть военных кругов в Турции и в Южной Корее вынуждена была мириться с рыночной демократией, которая, постепенно укрепляясь в обществе, приводила к положительным изменениям и в политической сфере жизни этих государств. Рыночный капитализм обычно приводит к экономическому росту, а экономический рост благоприятен для демократии.²⁸ Возможность же узурпировать природные богатства и систему перераспределения общественно значимых ресурсов стала дополнительным и весьма важным фактором укрепления авторитарного характера политических режимов в Центральной Азии.

В этом отношении ситуация с Центральной Азией опять-таки серьезно отличается от сходных процессов, протекавших в Европе. Одним из факторов буржуазных рыночных преобразований было так называемое первоначальное накопление капитала. Западная Европа на пороге нового времени по понятным причинам не имела возможности аккумулировать финансовые ресурсы, полученные от продажи углеводородного сырья. Поэтому источником богатств были колониальные захваты. Однако, как справедливо отмечают эксперты,²⁹ при всей своей значимости этот фактор все же был дополнительным. Накопление капиталов происходило главным образом изнутри — из прибылей торговли, ростовщичества, аккумуляции земельной ренты и развития мануфактур. Имело значение не богатство само по себе, а его капиталистическая утилизация, которая становилась возможной только при сравнительно развитых буржуазных формах производства и обмена, которые, в свою очередь, так или иначе были связаны с демократическими изменениями во властных структурах. В противном случае награблен-

27. В работах некоторых западных политологов роль военных в политической системе развивающихся стран оценивается положительно. См.: Вооруженные силы в политической системе. М., 1981. С. 5–6., Palmer M. Dilemmas of Political Development. An Introduction to the Politics of the Developing Areas. Ithaca. 1980.

28. Даль. Р. О демократии. М., 2000. С. 160.

29. См.: Хорос В. Г. Модернизация как общемировой процесс // Политическая наука в России. М., 2000. С. 329.

ные сокровища лишь увеличивали потребление феодальной знати, как это было в Испании.

Остается вспомнить и пример Японии — страны, где и менталитет, и традиции, на что так любят ссылаться апологеты нынешних режимов в Центральной Азии, были тоже в самом недавнем прошлом куда как далеки от демократизма. Конституция Японии 1947 г. была принята под несомненным большим влиянием внешней силы, что, в свою очередь, было вызвано поражением этой страны в войне.³⁰ Однако большинство имевшихся в японском обществе традиционных стереотипов патриархального тоталитаризма вскоре сошло на нет. Эта страна стремилась занять достойное место в мировом сообществе наций и достигла этого, причем демократия не стала при этом помехой.

В связи с этим нельзя не отметить еще одного обстоятельства. Апологеты политики президентов региона часто объясняют ее особенности низким уровнем социально-экономической модернизации данных стран в сравнении с Европой или США. Другими словами они утверждают, что, когда в результате реформ будет создана высокоразвитая экономика и будет существенно повышен уровень благосостояния общества, тогда и настанет черед полноценным демократическим изменениям. Здесь необходимо отметить два обстоятельства. Первое: эти страны совсем не были такими уж отсталыми в масштабах нашей планеты, какими их силятся представить некоторые современные политики. Второе: современные исследования показывают, что прямой однозначной зависимости между развитием демократии и уровнем экономического развития нет. Демократия совершенно необязательно является следствием, непосредственным продуктом прогрессивных экономических реформ. Демократические институты вполне могут функционировать и в экономически слабых обществах, хотя, безусловно, чем выше экономическое развитие общества, тем больше шансов для упрочения в нем демократии и для более удачного действия ее механизмов и институтов. Низкий уровень развития не может служить оправданием недемократических режимов.³¹

Несомненно, что режимы стран Центральной Азии во многом черпают свой облик из прошлого. Господство компартии в недавнем прошлом зиждилось на том, что КПСС опиралась на саму себя. Эта партия единолично контролировала ресурсы огромной страны, у нее не было на протяжении долгого времени никаких серьезных политических конкурентов, а при таких обстоятельствах добровольно от власти не отказываются. Вот почему, вместо демонтажа коммунизма в СССР, поначалу мы получили лишь

30. Проект японской конституции был разработан по приказу генерала Макартура американскими юристами из штаба оккупационных войск. См. об этом: Цунэо Инако. Современное право Японии. М., 1981. С. 70–79.

31. См. об этом: Maravall J. Regimes, Politics, and Markets. Democratization and Economic Change in Southern and Eastern Europe. New York. 1997., Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge. 1991.

попытку самореформирования (перестройку). В рамках советской власти политический субъект в лице генерального секретаря компартии вбирал в себя все значимые властные полномочия и притом был выведен за пределы реальной правовой ответственности. Эта была система власти сугубо административная, не признающая возможности политической ответственности перед обществом и оторванная от него. На вызовы времени она реагировала чисто управленческими перестройками и кадровыми перетрясками. Устойчивость такого режима таилась не в расчленении и конкуренции различных политических сил, при соблюдении акторами правовых правил, а в одном персонифицированном институте. На рубеже 1990-х гг. в Центральной Азии, несмотря на все новации, был сохранен этот элемент старорежимности — единовластие одного лица, пусть и получившего другое название. Сущность не изменилась. Старое наследство маскировалось лишь демократической риторикой. Президентский режим так же, как и его предшественники, был неподконтролен ни обществу, ни государственным институтам. Он по-прежнему был вознесен над всеми другими звеньями государственного механизма, наделен максимальными полномочиями и минимальной ответственностью.

Однако и эти политические режимы еще не утратили возможности для своей внутренней эволюции. Многие резервы, на которые можно было бы с успехом опереться еще в начале и даже в середине 1990-х гг., действительно резко сократились. Но они не исчезли вовсе. Монополизм политической жизни не стал тотальным. Политическая борьба, хотя и в извращенных государственной бюрократией формах, не умерла, она идет, и это оставляет надежду на будущее движение к демократии. Сама необходимость экономического выживания социума будет толкать его действовать, искать пути получения средств существования независимо от власти и государственной опеки. Невозможно в современных условиях блокировать рыночное предпринимательство, а значит, невозможно уничтожить базис для появления требований расширить сферу действия политической демократии. Возможность государственного властного вмешательства в жизнь общества значительно сузилась. Эта объективная реальность. Бюрократия не способна дать достойный авторитарный ответ на вызовы технического прогресса.